

Дополним слова отца Андрея Ткачева таким рассказом:

Преподобномученик Нектан Хартлендский. Память 17 июня (ст.ст.)

Святой Нектан родился около 468 года в Уэльсе и был старшим сыном известного святого короля Брихана из Брекнока. Уже в юном возрасте он твердо решил избрать иноческое житие и посвятить всего себя служению Богу. Святой Нектан сел в лодку и положил, что будет вести подвижническую жизнь там, куда она причалит, – это будет ему знак от Бога. Лодка причалила в северном Девоне. Там подвижник поселился на окраине нынешнего городка Хартленд. Он построил себе крошечную хижину и много лет возносил уединенную молитву здесь, посреди дремучих лесов. Много лет об угоднике Божиим никто не знал.

Однажды отшельник Нектан помог нерадивому пастуху собрать разбежавшееся стадо свиней, за что получил от него в дар двух коров. Через некоторое время коров у святого похитили разбойники. Однако Нектану удалось разыскать грабителей. Святой попытался обратить их ко Христу проповедью, но разбойники схватили святого и отсекли ему голову. Обезглавленный мученик взял, к неописуемому ужасу разбойников, свою голову в руки и направился к ручью, около которого много лет подвизался, – здесь он и отошел ко Господу. Это случилось в 510 году. Увидев чудо, один из разбойников сразу уверовал во Христа и благоговейно похоронил святого. Из нераскаявшихся разбойников впоследствии кто ослеп, кто умер ужасной смертью.

Нектан почитался как святой мученик; мощи его были положены в раку, и на протяжении многих веков к ним стекались паломники. По одному из преданий, святой Нектан особенно ненавидел грех сквернословия и искренне считал, что упорствующие в этом грехе достойны того, чтобы язык их опухал. Поэтому на протяжении веков окрестные жители больше всего боялись «согрешить сквернословием и прогневать святого». В 1970-х годах в графстве Девон произошел такой чудесный случай, зафиксированный одной православной монахиней. Некий молодой человек, несмотря на предупреждения своих близких, сквернословил в непосредственной близости от места подвигов святого Нектана в Хартленде. Вдруг его поразила страшная недуг, и он едва не погиб: его язык так распух и сдавил гортань, что он стал задыхаться. Но в тот же день молодой человек и полностью исцелился – после искреннего слезного покаяния.

Протоиерей Андрей Ткачев. Свобода слова

11 февраля 2013 г. Источник: [Радонеж](#)

«Свобода» нынче любимое слово. Мало того, что это – любимое слово, но оно же еще и возводится в квадрат, давая в результате набившее оскомину сочетание – «свобода слова».

Это очень сложное понятие. Для того, чтобы говорить о свободе слова, нужно также говорить о его – слова – ценности. Иначе свободно произносимые слова, лишённые смысла или носящие извращенный смысл разрушат мир до основания, кстати, без всякого «а затем...».

Есть свобода слова, а есть культура слова. Культура же есть, в свою очередь, некая несвобода. В культуре возделывания земли нужно пахать не когда хочешь, а когда надо, и сеять не что-нибудь, а то, что вырастет и плод принесет. И всякая культура есть набор ограничений, подобных обрезанию ветвей на лозе. Иначе нет ее – культуры, и нет плода, и ничего вообще нет, кроме хамской болтовни. Такая «свобода» слова становится фактором исчезновения культуры слова и, вместе с нею, культуры мышления. Это – антропологическая катастрофа. С удовольствием (но без радости) перехожу к примерам.

*

Мат нынче уже не мат, а признак свободы словоизлияний и отсутствия догматизма в речевой деятельности. Если кто-то когда-то, обладая зачастую подлинным талантом, дерзал «сюсюкнуть» нечто из нецензурного, то делал это со страхом и изредка. Так изредка, как редко, например, бывают на базарах и вокзалах нобелевские деятели пера и шариковой ручки. А ведь в это же время на базарах и вокзалах многие люди всю жизнь живут. Живут и общаются соответственно. И вот, что получается: некто, услышав из именитых уст родной до боли глагол или соленое существительное, решает, что его способ речевой активности отныне канонизирован. Его фаллическое мышление отныне мнится ему классическим, и как Журден удивился, узнав, что говорит прозой, так и подобный персонаж узнает с радостью, что говорит на языке всемирной литературы.

*

Теперь дам место пространной цитате. Она принадлежит Дмитрию Бобышеву – известному поэту из числа «ахматовских птенцов». Речь пойдет об одном столкновении поэта с небезызвестным Юзом Алешковским, столкновении, имевшем место где-то на конференции в

Лос-Анджелесе, и произошедшем по поводу ненормативной лексики в русской эмигрантской литературе. Слово участнику перепалки:

«Разумеется, мат — явление сугубо отечественное, но процветал он прежде лишь в быту. В эмиграции нередко могли оскорбить свои тексты Аксенов или Довлатов, в ту же сторону срывались порой и другие вольные литераторы, но Юз Алешковский сделал сквернословие основным стилистическим приемом, а сам он стал некоей “антизвездой” абсценного карнавала и, конечно, ближайшим предтечей карнавала российского. Помню, как в кулуарах того же лос-анджелесского форума я наконец решил высказать Алешковскому, да и другим литераторам, там присутствовавшим, свое мнение об этом речевом явлении вообще — и в быту, и в литературе. Я сказал, что в каждом бранном слове слышу и буквальный, и символический его смысл и потому совершенно не приемлю словесную похабищину»

Прошу вас обратить внимание, что отношение Бобышева к слову молитвенное, мистическое. Названный предмет оживает и является в слове. «Имя вещи есть сама вещь», - сказал бы А.Ф.Лосев. Следовательно, скверное слово, это не «пар из уст», а практическая магия и поедание-изрыгание словесных нечистот. Как же отреагировал Алешковский?

«Глядя в глаза и явно провоцируя, он обложил меня отчетливым матом. На провокацию я не поддался, а лишь сказал, что разделяю взгляд о. Сергея Булгакова, который предполагал, что вот именно это самое расхожее глумление над образом матери и, следовательно, образом Богородицы, а следовательно, и всей земли нашей, в каком-то тайном, магическом смысле оказалось причиной российских катастроф и злодеяний»

Это место прошу отметить или даже законспектировать. Наш недисциплинированный в мыслях и слове народ, достоин того, чтобы быть названным «народом черноротых», если взять во внимание тонны словесных помоев, изливающихся ежесекундно из русских ртов. Эти помои льются всюду, и святынь не щадят. Словесные гадости мы и за грех не считаем. О! Какое это заблуждение!

Итак, внимание! Здесь один из корней, той разветвленной системы нераскаянности и бытового безбожия, которые сокрушили Русь и издеваются над нею доселе. Речевой этикет редко проявляет нас, как Святую Русь, но чаще, как преддверие ада.

Бобышев молодчина. Он правильно мыслит и правильно действует. А что же визави?

«На это Алешковский покрыл матом и христианскую святыню, и нашу с ним общую родину. Я, видя, что он полностью саморазоблачился перед братьями-писателями, а в их числе и перед Довлатовым, плевать почитал неприличным, повернулся и ушел. Я был уверен, что уж кто-нибудь из присутствующих такую красноречивую сцену обязательно опишет, и в этом не ошибся. Ошибся лишь в том, что недооценил изощренного писательского умения лжесвидетельствовать. Тот диалог все-таки описал Довлатов (и поздней эпизод был опубликован), только я в нем присутствую под своим именем, а мой оппонент выступает как “писатель Н.Н. с присущей ему красочной манерой”. Таким образом, свидетель скрыл имя обидчика, а оскорбленного меня выставил красоваться среди опозоренных святынь. Пользуюсь случаем, чтобы восстановить тот эпизод в его полноте»

*

Все, ради чего я завел этот разговор, сводится к паре тезисов. А именно:

1) Качество жизни человека, как существа умного, прямо зависит от культуры его мышления.

2) Культура мышления человека выражается в культуре или бескультуре его слова.

3) «Черноротые» люди не могут быть счастливы, поскольку их словесная жизнь обличает их одержимость.

4) Разница между «черноротым люмпеном» и «черноротым интеллектуалом» отсутствует напрочь. При этом «интеллектуал» хуже люмпена, и если у разболтанного народа появились писатели-сквернословы, то ждите беды.

Употреблять слово «свобода» в его Евангельском контексте мы все еще не научились. Зато бесовские смыслы этого слова, несущие осквернение и разрушение, падшему человеку гораздо ближе. Но область действия слова есть область христианской ответственности, поскольку христиане – служители Бога-Слова воплощенного, и словом «свобода» должны пользоваться не для оправдания греха, а для приведения жизни в соответствие с Божиим замыслом.